

ПОЧЕМУ ЛЮШКОВ БЕЖАЛ ЗА КОРДОН

Уважаемая редакция!

В №1 Вашего журнала за 1998 г. опубликована интересная статья А.В.Трехсвятского «Дело Люшкова», посвященная судьбе начальника УНКВД по ДВК Г.С. Люшкова, бежавшего в 1938 г. в Маньчжурию и активно сотрудничавшего с японскими спецслужбами в 1938—1945 гг. В своей статье, основанной по преимуществу на материалах из японских источников, автор посетовал на отсутствие в его распоряжении документов, освещающих «советский» период жизни героя статьи. Занимаясь историей органов госбезопасности СССР, мы вместе с самарским историком М.А. Тумшисом тоже заинтересовались судьбой Г.С. Люшкова, причем постарались исследовать именно «советский» период его жизни и внутренние причины, побудившие его к бегству. В мае 1998 г. в журнале «Новый часовой» (г.Санкт-Петербург) №6—7 была опубликована наша статья, существенно дополняющая работу Вашего автора.

24 июня 1999 г. С уважением

А. А. Папчинский, М.А. Тумшис

От редколлегии журнала «Россия и АТР»

Полагая, что факты, дополняющие статью «Дело Люшкова», представляют интерес для читателей «России и АТР», редколлегия решила опубликовать статью А.А. Папчинского и М.А. Тумшиса с небольшими сокращениями.

*«Я счастлив, что принадлежу к числу работников
карательных органов...»
Г. Люшков*

Слова, вынесенные в подзаголовок, были сказаны в декабре 1937 г. начальником УНКВД по Дальневосточному краю комиссаром госбезопасности 3 ранга Г.С. Люшковым и обращены к трудящимся, выдвинувшим его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В них отразилось умонастроение тысяч чекистов «ежовского» призыва, которые, став палачами миллионов своих сограждан, были вознесены из безвестности к власти, чинам и наградам, а затем безжалостно уничтожены и канули в забвение.

В ночь с 12 на 13 июня 1938 г. Г.С. Люшков перешел государственную границу в полосе 59-го Посьетского погранотряда НКВД и сдался японским оккупационным властям Маньчжурии. 6 июля 1938 г. японские войска, получившие от перебежчика дополнительные сведения о дислокации сил и системе приграничной обороны Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, начали наступательную операцию у оз. Хасан. Только через пять недель упорных боев японцы были остановлены, а затем отбиты советскими войсками...

Что же заставило члена ВКП(б), высокопоставленного чекиста, кавалера ордена Ленина и депутата Верховного Совета СССР предпринять этот отчаянный шаг — изменить Родине и обречь своих родных на суровое наказание сталинской карательной системы? Современные исследователи высказывают на этот счет разные предположения. Причинами побега называют и страх перед заслуженным возмездием за массовые необоснованные репрессии на

советском Дальнем Востоке¹, и некомпетентное вмешательство Люшкова в дела агентурной разведки за рубежом², приведшее к многочисленным провалам, и некие исподволь созревшие антисталинские настроения перебежчика³.

Располагая некоторыми документами, касающимися личности Г.С. Люшкова и его служебной карьеры в органах ВЧК-НКВД, авторы предприняли попытку реконструировать последовательность событий, свидетелем и участником которых Люшков был с начала 20-х годов вплоть до упомянутой роковой ночи на границе, и выяснить истинные причины его побега за кордон.

Генрих Самойлович Люшков⁴ родился в 1900 г. в семье небогатого одесского еврея-портного. Семья, по-видимому, была вполне городской, не отличавшейся особой религиозностью, так как будущего чекиста вместо традиционного хедера сразу отдали в шестиклассное начальное казенное училище. По его окончании в 1915 г. юноша продолжил учебу на вечерних общеобразовательных курсах, подрабатывая днем переписчиком в автомобильной конторе. По словам самого Люшкова, в конце 1917 г. под влиянием брата он оказался «вовлечен в Революционную бурю»: в рядах дружины социалистической молодежи участвовал в уличных боях при захвате Одесским Советом власти в городе.

Однако уже в марте 1918 г. Одесса была занята германскими оккупационными войсками, и с этого момента Люшков уходит в городское подполье. Как и во многих биографиях его современников, «пребывание в подполье» — самый неясный эпизод в жизни Люшкова. Известно лишь, что в феврале 1919 г., во время разгрома белыми одесского подполья, направляясь на явку, он был арестован. Из-под стражи ему удалось бежать и по подложным документам пробраться в освобожденный красными войсками Екатеринослав. В марте под Николаевом Люшков добровольно вступил в Красную Армию, став красноармейцем-политработником 1-го Николаевского советского полка, откуда был направлен в Киев на центральные Военно-политические курсы Наркомвоена Украины. Здесь в июле 1919 г. он вступил в партию большевиков. Вскоре вместе со своими товарищами-курсантами был переброшен на станцию Жмеринка, чтобы воевать с прорвавшимися петлюровцами, а затем работал помощником военного организатора Киевского губкома партии.

Когда началось наступление белых и Киев был сдан, Люшков вместе с эвакуированными советскими работниками Украины оказался в Брянске. В сентябре 1919 г. он был направлен политруком в 1-ю Отдельную бригаду 14-й армии на Южный фронт. С бригадой прошел весь путь на Мозырском и Речицком направлениях Польского фронта, являясь секретарем и начальником Политотдела бригады. В сентябре 1920 г. он впервые ненадолго попал на чекистскую работу — уполномоченным Особого отделения ВЧК 57-й стрелковой дивизии. После советско-польской войны Люшков был демобилизован и вернулся в родную Одессу, поступил на учебу в Институт гуманитарных наук, но закончить образование не удалось: в ноябре 1921 г. он был отозван с учебы и направлен на работу в Одесскую губЧК.

Украина, неоднократно переходившая из рук в руки противников в гражданской войне, в начале 20-х годов оставалась ареной ожесточенной борьбы органов ВУЧК-ГПУ УССР с многочисленными противниками большевистского режима: петлюровцами, эсерами, польскими националистами, анархистами, крестьянскими повстанцами и просто уголовно-бандитскими элементами. Кроме того, на Правобережье Украины, имевшем выход к границам Польши и Румынии, органы ГПУ вели борьбу с проникавшими из-за кордона вооруженными формированиями и шпионско-диверсионной агентурой иностранных государств.

Такого рода служба досталась Люшкову в период 1921—1924 гг. в ряде пограничных и окружных отделов ГПУ Тирасполя, Вознесенска, Первомайска, Каменца-Подольского и Волочиска на юго-западе Украины. Работа чекиста-оперативника в приграничье зачастую была связана с риском для жизни: в 1921 г. во время ликвидации банды в Вознесенском уезде Люшков был ранен в руку.

В ноябре 1924 г. он был выдвинут на самостоятельную руководящую работу начальником Проскуровского окружного отдела ГПУ, входившего тогда в Подольский губернский отдел ГПУ, которым в то время руководил крупный «идущий в гору» украинский чекист И.М. Леплевский. Именно ему и предстояло сыграть заметную роль в судьбе Люшкова.

Израиль Моисеевич Леплевский⁵ (1896—1938), как и Люшков, происходил из бедной еврейской семьи рабочего-табачника. В молодости он был членом «Бунда», но в феврале 1917 г. примкнул к большевикам. Отсутствие какого-либо образования (он был «самоучкой») компенсировалось у него природной предприимчивостью, опытом практической работы в ЧК с 1918 г. и наличием покровительствующей «руки» в Москве в лице старшего брата — Г.М. Леплевого⁶, занимавшего видные посты в Малом Совнаркоме и Наркомвнуделе РСФСР. К моменту сближения Люшкова с Леплевским последний уже «показал себя стойким большевиком-чекистом, проявив выдающиеся способности в деле борьбы со всеми видами контрреволюции»⁷ на Украине и был награжден орденом Красного Знамени (1921 г.).

Когда в октябре 1925 г. им пришлось расстаться (Леплевский был назначен начальником Одесского окротодела ГПУ), бывший начальник Люшкова рекомендовал его на ответственную работу в центральный аппарат ГПУ Украины, дав тем самым первоначальный толчок его карьере. Перебравшись в Харьков, Люшков как хороший «агентурист» был сразу назначен начальником Информационно-осведомительного отдела (ИНФО) ГПУ Украины. Получив в свои руки всю агентурно-осведомительную сеть республиканского ГПУ, Люшков перешел к делам «крупного масштаба» и уже в 1926 г. «нащупал террористическую группу, подготовлявшую покушение на председателя ВУЦИКа тов. Петровского»⁸.

Забегая вперед, отметим, что опыт в делах такого рода очень пригодился Люшкову во время его ленинградской командировки в связи со следствием по делу об убийстве С.М. Кирова и способствовал его сближению с одним из «кураторов» этого следствия — Н.И. Ежовым.

В мае 1930 г., уже занимая прочное место в аппарате республиканского ГПУ, Люшков назначается начальником Секретного (с 1931 г. — Секретно-Политического) отдела ГПУ УССР. Тогда отдел «контролировал» не только остатки «антисоветских политических партий» (эсеров, меньшевиков, анархистов и т.д.), но и активно боролся с «внутрипартийной» оппозицией.

К этому времени ситуация в политической жизни страны круто изменилась: нэп был свернут, началась коллективизация деревни, правая и левая оппозиции в партии оказались под мощным давлением сталинского ОГПУ. «Оперативным наркомом» для советского общества в этой ситуации стали развернутые чекистами с конца 20-х годов судебные процессы по «вредительству» Шахтинский», «Промпартии» и др. Не отставало в выполнении «социального заказа» Сталина и ГПУ Украины. Еще в декабре 1929 г. старший товарищ и покровитель Люшкова Леплевский и сам перебрался в Харьков. Став начальником Секретно-Оперативного Управления (СОУ) и членом Коллегии ГПУ УССР, он вместе с Люшковым активно участвовал в разработке и проведении крупнейших операций чекистов на Украине. Председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий свидетельствовал: «Ликвидация крупных дел [...] «Украинского Национального Центра», «Военно-офицерской организации» (дело «Весна») и других

крупных контрреволюционных повстанческих организаций на Украине проведена благодаря исключительной энергии, четкости и оперативному руководству и непосредственному участию в практической работе со стороны тов. Леплевского»⁹.

Существенно, что ликвидация «военно-фашистского заговора в Красной Армии» весной-летом 1937 г. стала для Леплевского (тогда — начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР) реализацией с кое-какими изменениями его «заготовок» начала 30-х годов.

Бок о бок с Леплевским работал на Украине Люшков. По мнению В.А. Балицкого, он сыграл не менее значительную роль в «развороте и ликвидации дел диверсионно-повстанческих организаций — «Украинского Национального Центра» и военно-офицерской организации (дело «Весна»). Личные выезды тов. Люшкова в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных фигурантов во многом способствовали раскрытию и ликвидации упомянутых организаций»¹⁰. В августе 1931 г. Балицкий и его украинские чекисты добились своего: «развернутые» ими дела были замечены и по-достоинству оценены Москвой: Балицкий получил повышение и стал заместителем председателя ОГПУ Союза. Как бывало и прежде, за новым зампредом ОГПУ из Харькова в Москву, в центральный аппарат ОГПУ, потянулись его чекисты с Украины.

«Массовости» украинского потока чекистов способствовали и открывшиеся вакансии на Лубянке: в августе 1931 г. Сталин устроил очередную «перетряску» чекистских кадров в Москве, в опалу попали и были удалены крупные чекисты: Е.Г. Евдокимов, Я.К. Ольский-Куликовский, И.А. Воронцов, Л.Н. Бельский и др.¹¹ Тогда-то для «людей Балицкого» с Украины — И.М. Леплевского, Г.С. Люшкова, М.К. Александровского, Я.В. Письменного и др. — открылась возможность занять ответственные посты в центральном аппарате ОГПУ.

Новым начальником Секретно-Политического отдела ОГПУ (Я.С. Агранов был понижен в должности и назначен полпредом ОГПУ по Московской области) стал мало кому известный «человек со стороны», бывший полпред ОГПУ по Ивановской промышленной области Г.А. Молчанов, выдвинувшийся на ликвидации «вредительства» в текстильной промышленности и отмеченный орденом Красного Знамени (1931 г.). Именно к нему в отдел попали на работу «украинцы» — Г.С. Люшков и М.К. Александровский.

Если Люшкова тогда можно было назвать «человеком Балицкого», то Молчанов был и остается одной из самых загадочных фигур сталинского ОГПУ-НКВД, равно как не вполне ясной является и его роль в последующих событиях. Несмотря на дотошное разбирательство на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), так и не было выяснено: кому принадлежала инициатива его выдвижения в 1931 г. на эту ответственную должность¹².

Георгий Андреевич Молчанов¹³ (1897—1937) родился в Харькове в семье официанта, окончил торговую школу и в 1917 г. вступил в партию большевиков. Его служебную карьеру едва ли можно назвать блестящей: работая с 1918 по 1925 г. в органах ВЧК-ОГПУ Восточного фронта, Туркестана, Северного Кавказа, Сибири, он оставался на второстепенных должностях и не был широко известен в чекистской среде.

Лишь в 1925 г. был выдвинут на самостоятельную руководящую работу — начальником Ивановского губотдела (с 1928 г. — полпредом ОГПУ по Ивановской области). В течение пяти лет (1931—1936 гг.) Молчанов руководил ведущим Секретно-Политическим отделом (СПО) ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР, занимавшимся разработкой и ликвидацией политической и внутрипартийной оппозиции. Если практически все украинские чекисты (И.П. Леплевский, Я.В. Письменный, М.К. Александровский и др.) были вынуждены в 1933 г.

вернуться с Балицким на Украину, то Люшков вполне «прижился» у Молчанова и вскоре стал его заместителем. В этой должности с 1934 по 1936 г. он принимал самое активное участие во всех крупных делах сталинского НКВД: Ленинградского террористического центра (1935 г.), Террористического центра и заговора в Кремле (1935 г.), Троцкистско-зиновьевского объединенного центра (1936 г.).

Заметную роль в его судьбе сыграло участие в ленинградском следствии по делу об убийстве С.М. Кирова. Прибывшие в Ленинград в составе партийно-правительственной группы чекисты выполняли в следственной бригаде вполне определенные обязанности. Так, заместитель наркома НКВД СССР Я.С. Агранов вел общее руководство следствием и временно исполнял обязанности начальника УНКВД по Ленинградской области. Начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД К.В. Паукер ревизовал систему личной охраны убитого партийного руководителя. Люшков (Молчанов оставался в Москве) должен был заниматься политической подоплекой преступления. А именно эта сторона дела более всего интересовала Сталина и заместителя председателя ЦК при ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова, «куруивавшего» следствие и направившего его в русло деятельности «зиновьевской оппозиции». По-видимому, Люшков так же, как и Агранов, сразу понял и принял замысел Сталина и Ежова обвинить в убийстве оппозицию. Это не сразу сделал Ягода, что в конечном счете повлияло на решение Сталиным его судьбы. Правильно «сориентировавшийся» в данной ситуации Люшков был сразу замечен и завоевал симпатии Ежова, в недалеком будущем — секретаря ЦК ВКП(б) и наркома внутренних дел СССР. Упоминание Я.С. Аграновым имени Люшкова на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК как чекиста и в дальнейшем с готовностью сотрудничавшего с Ежовым это косвенно подтверждает¹⁴.

Тем временем на Украине в среде прежних коллег-чекистов Люшкова назревали драматические события. По возвращении В.А. Балицкого и его сотрудников из Москвы в конце 1933 г. произошел конфликт между Балицким и его «правой рукой» Леплевским. Причиной разлада, возможно, стала неспособность Балицкого «закрепиться» в Москве, в результате чего «его люди» тоже потеряли свои посты.

Близкие лично Леплевскому сотрудники Джирин и Инсаров стали вести среди работников ГПУ Украины разговоры, «заявляя, что все успехи ОГПУ в оперативной работе являются результатом оперативности Леплевского. Эти разговоры дошли до Балицкого, который немедленно удалил Леплевского с Украины...»¹⁵

Развитие событий приобрело прямо-таки драматическую окраску. Во время отъезда Леплевского на вокзале никого из провожающих не было кроме Амирова-Пиевского. Леплевский к нему обратился в озлобленном тоне со следующими словами: «Я уезжаю с Украины, но еще сюда вернусь и рассчитаюсь со всеми...»¹⁶. Так совсем в «миргородской манере» жестоко поссорились два бывших украинских покровителя Люшкова...

На XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г. был избран новый состав ЦК. Его полноправными членами, сравнявшись своим партийным статусом с Ягодой, были избраны председатель ГПУ УССР (с июля 1934 — нарком внутренних дел УССР) В.А. Балицкий и бывшие видные чекисты — секретарь Северо-Кавказского крайкома Е.Г. Евдокимов и секретарь Закавказского крайкома Л.П. Берия.

В декабре 1934 г., после убийства С.М. Кирова, значительная часть ответственности за случившееся могла быть возложена Сталиным на действующего главу НКВД СССР Ягоду. Ягода понимал, что в таком случае у Балицкого, члена ЦК, наркома внутренних дел второй крупнейшей республики Союза и бывшего зампреда ОГПУ, появилась реальные шансы занять его место. По-

жалуй, единственным «темным пятном» на репутации Балицкого было обнаружение в июне 1934 г. грубых нарушений финансовой дисциплины в НКВД УССР.

Не менее, чем Балицкий, был опасен для Ягоды и бывший крупный чекист Е.Г. Евдокимов¹⁷. Вплоть до своего ухода на партийную работу (январь 1934 г.) Евдокимов был неформальным главой мощного клана северо-кавказских чекистов, сложившегося вокруг него в Ростове-на-Дону в бытность полпредом ОГПУ по Северному Кавказу (1923—1929 и 1932—1933 гг.)¹⁸. Шагом, направленным на «нейтрализацию» Евдокимова как своего возможного преемника или заместителя стало назначение Ягодой в августе 1936 г. Г.С. Люшкова в Ростов-на-Дону начальником УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Этим Ягода пытался достичь двух целей: получить от Люшкова, никак не связанного с интересами местного партийного и чекистского руководства, компрометирующие их и Евдокимова материалы, а заодно избавиться в Москве от Люшкова как от чекиста, сотрудничавшего с Ежовым. В связи с этим представляется спорным утверждение Р. Конквеста (речь идет о 1938 г.) о Люшкове как об «одном из немногих оставшихся в НКВД людей Ягоды»¹⁹. Как чекист из «свиты» Балицкого Люшков не числился в любимцах Ягоды. М.П. Шрейдер, знавший Люшкова по работе в Москве, дает ему весьма бледную характеристику, вспоминая о нем лишь как о «скромном человеке и неплохом работнике»²⁰.

Отметим и отсутствие у Люшкова каких-либо заметных правительственных наград за период работы в СПО ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР за 1931—1936 гг. За свою чекистскую службу с 1921 по 1936 г. он был награжден лишь двумя знаками «Почетного чекиста» дважды на Украине (1927 и 1931 гг.) безрезультатно представлялся Балицким к ордену Красного Знамени. Высокое «генеральское» спецзвание комиссара госбезопасности 3 ранга, присвоенное ему в ноябре 1935 г., явилось лишь соответствующим оформлением в табели о рангах его ответственной должности в одном из ключевых отделов ГУГБ НКВД СССР²¹.

В Ростов-на-Дону Люшков прибыл в сопровождении двух своих ближайших сотрудников-чекистов М.А. Кагана и Г.М. Осинина-Винницкого, хорошо ему знакомых еще по прежней работе на Украине. Через месяц, в сентябре 1936 г., Ягода был снят и новым главой НКВД СССР был назначен председатель КПК и секретарь ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов. В связи с этим несколько корректировалась «ростовская миссия» Люшкова.

В конце 1936 — начале 1937 г. Сталин и Ежов намеревались нанести первый удар по руководству двух комитетов партий (Киевского обкома — секретарь П.П. Постышев; Азово-Черноморского крайкома — секретарь Б.П. Шеболдаев). Сложность предстоявшей «операции» заключалась в том, что оба секретаря никогда не состояли в оппозиции, имели безупречное партийное прошлое и считались твердыми «сталинцами»²².

Таким образом, решением Ежова Люшков ставился в авангарде репрессивной практики на местах, причем тогда, когда в центре еще царило относительное спокойствие. Реализованное Люшковым «ростовское дело», направленное против Шеболдаева, стало «пробным камнем, на котором Сталин проверял возможность наступления на партийных руководителей высшего ранга и подавления их недовольства ударами, наносимыми по партийным кадрам»²³. Уже на декабрьском (1936 г.) пленуме ЦК ВКП(б) Ежов огласил первые итоги деятельности Люшкова в Ростове-на-Дону, когда выяснилось, что «по Азово-Черноморской организации арестовано свыше 200, во главе с Глебовым и Белобородовым и пр. троцкистов и зиновьевцев»²⁴. «Обогащенный» своим «московским опытом» ведения следствия и подготовки политических процессов Люшков на новом участке работы блестяще справился с заданием Сталина и Ежова: после постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 2 января 1937 г. «Об ошиб-

ках секретаря Азово-Черноморского крайкома тов. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б) местная парторганизация подверглась жесточайшему разгрому, а Шеболдаев был политически дискредитирован и сослан руководить «второстепенным» Курским обкомом, где позднее был репрессирован в ходе развернувшейся «ежовщины».

По грустной иронии судьбы, разоблачительная кампания Люшкова в Ростове-на-Дону, независимо от замыслов Ягоды, приобрела совсем иные масштабы и направленность, а новым секретарем крайкома (затем — Ростовского обкома партии) в январе 1937 г. был поставлен... Е.Г. Евдокимов. Видимо, считалось, что как бывший чекист, имеющий многолетний стаж работы на Северном Кавказе, он лучше других наладит «чистку» по партийной линии в русле указаний Москвы.

На февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК Ежов окончательно растоптал авторитет бывшего наркома Ягоды. Вместе с другими чекистами (здесь особенно усердствовали Е.Г. Евдокимов и Л.М. Заковский) он уличил Ягоду в развале кадровой работы в НКВД, позволившем проникнуть в его центральный аппарат «предателям» и «шпионам»²⁵. Характерно, что и в этой ситуации Люшков первым из руководителей органов НКВД на местах оперативно имитировал на своем уровне начало репрессий Ежова в самой чекистской среде. Именно в УНКВД по Азово-Черноморскому краю были разоблачены первые «изменники-чекисты» — начальник Таганрогского горотдела НКВД Е.Н. Баланюк и начальник Новочеркасского райотдела НКВД Д.И. Шапалов, которые «систематически информировали участников троцкистской организации об имевшихся в НКВД материалах антисоветской деятельности последних»²⁶.

Кроме желания выслужиться перед новым наркомом, существовало еще одно обстоятельство, заставившее Люшкова торопливо выискивать «врагов» среди чекистов краевого УНКВД: на пленуме как «пособник троцкистов» был разоблачен бывший начальник Люшкова по СПО ГУГБ НКВД СССР Г.А. Молчанов. Люшкова, проработавшего бок о бок с Молчановым в течение пяти лет, при желании тоже можно было бы обвинить по меньшей мере в «политической слепоте и идиотской болезни беспечности». Несмотря на симпатии Ежова, Люшков чувствовал двусмысленность своего положения и, взяв на себя роль ревностного исполнителя политики разоблачения и репрессий, стремился приобрести определенный «иммунитет» к обвинениям в связях с «людьми Ягоды». Случай с Молчановым стал одним из рискованных поворотов карьеры, в которых Люшкову будет удаваться опередить на один-два шага приближающуюся гибель...

Февральско-мартовский пленум ЦК стал поворотным пунктом в кадровой политике Ежова в НКВД СССР. Отныне на смену руководящим работникам, связанным с Ягодой, стали выдвигаться чекисты «северо-кавказской группы» Евдокимова-Фриновского: В.М. Курский, А.М. Минаев-Цикановский, Н.Г. Николаев-Журид, И.Я. Дагин, Я.А. Дейч и др.²⁷ Именно их и их главного покровителя Евдокимова должен был, по замыслу Ягоды, дискредитировать в глазах партийного руководства Люшков. В известной степени ему, чуждому их групповым интересам и покровительствуемому лично Ежовым, эта «миссия» удалась. Так, в июле 1937 г., в начале ежовской «чистки» чекистского аппарата на местах, был арестован один из видных членов «северо-кавказской группы» и предшественник Люшкова по руководству УНКВД Азово-Черноморского края комиссар ГБ 3 ранга П.Г. Рудь. Еще более скандальным происшествием стало таинственное самоубийство в июле 1937 г. «фаворита» Ежова, заместителя наркома внутренних дел СССР, комиссара ГБ 3 ранга В.М. Курского²⁸.

Владимир Михайлович Курский (1897—1937) работал в органах ВУЧК-ОГПУ с Е.Г. Евдокимовым с 1921 г. на Правобережной Украине и Северном

Кавказе, участвовал в следствии по «Шахтинскому делу» и был одним из его преуспевавших выучеников²⁹. Как и Люшков, в августе 1936 г. он получил новое назначение в Новосибирск начальником УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Как и Люшков, он осенью 1936 г. «раскрыл» троцкистских вредителей-заговорщиков в горной промышленности Кузбасса и провел показательный судебный процесс в Новосибирске, ставший серьезным подспорьем Ежову, готовившему в Москве процесс по делу «Антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г.). Благодарный Ежов осыпал Курского милостями: повысил в звании, назначил начальником СПО ГУГБ НКВД СССР на место Молчанова. В апреле 1937 г. Курский стал заместителем Ежова и начальником 1-го отдела (охраны) ГУГБ, отвечавшим за личную безопасность партийно-советского руководства и самого Сталина.

В июне Курский был неожиданно снят с работы по охране руководства и переведен начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД. 8 июля, оставив какое-то письмо³⁰, Курский покончил с собой. Люшкову для возможной дискредитации столь высокопоставленного назначенца Фриновского было вполне достаточно сообщить Ежову о факте исключения Курского из партии в августе 1928 г. «за причастность к убийству селькора газеты «Ту-алу-Джашау» в г. Микоян-Шахор в Карачаево-Черкессии»³¹. Такой факт биографии делал кандидатуру Курского как начальника охраны явно неуместной.

Конечно, заместитель Ежова и начальник ГУГБ НКВД СССР комкор М.П. Фриновский пытался препятствовать появлению подобных материалов о своих выдвиженцах. Возможно, что это и были те случаи, когда он, по словам Ежова, «... как только арестуют кого из сотрудников НКВД, сразу бежал ко мне и кричал, что все это «липа», арестован неправильно и т.д.»³²

Естественно, что такие действия Люшкова в Ростове-на-Дону вызывали раздражение Фриновского, Евдокимова и всех чекистов «северо-кавказской группы». Отметим лишь факт того, что Люшков, считавшийся у Ежова «хорошим чекистом», уже никогда не назначался на работу в центральный аппарат НКВД СССР, контролировавшийся Фриновским и его ставленниками. Тем не менее, конфликт между Фриновским и Люшковым не помешал Ежову высоко оценить заслуги последнего. В июле 1937 г. Люшков, Каган и Осинин-Винницкий были награждены орденом Ленина и получили новое назначение на Дальний Восток.

Для более глубокого понимания обстоятельств дальнейшей служебной карьеры и судьбы Люшкова нам придется обратиться к событиям в НКВД Украины, последовавшим за февральско-мартовским (1937 г.) пленумом ЦК. На пленуме был снят с работы 2-й секретарь ЦК КП(б) и секретарь Киевского обкома партии П.П. Постышев, с 1933 г. являвшийся вторым лицом в партийной иерархии Украины и неизменно поддерживавший политический авторитет руководителя НКВД УССР В.А.Балицкого. В связи с этим пошатнулось положение и самого Балицкого. В мае 1937 г. он был снят с должности и назначен начальником УНКВД по Дальневосточному краю в Хабаровск. Увольнение многолетнего шефа и покровителя вызвало настоящую панику среди украинских чекистов, особенно из числа близких к нему сотрудников.

Это состояние паники только усилилось, когда новым главой НКВД УССР стал комиссар ГБ 2 ранга И.М. Леплевский, некогда «правая рука» Балицкого, а теперь его могущественный недоброжелатель. Новый нарком прибыл на Украину в сопровождении Фриновского, «героя» ликвидации «военно-фашистского заговора в Красной Армии». Если учесть то, что вторым лицом в «заговоре военных» числился бывший командующий Киевским военным округом командир 1 ранга И.Э. Якир, то теперь украинским чекистам предстояла расплата за потерю «бдительности». В июле-августе 1937 г. Леплевский устроил настоящий погром «чекистов Балицкого» в НКВД Украины. Были сняты и

арестованы три бывших заместителя Балицкого — Н.С. Бачинский, З.Б. Кацнельсон, В.Т. Иванов, уничтожены практически все начальники отделов НКВД УССР и областных УНКВД. В отношении них Леплевский сфабриковал дело «о заговоре в НКВД УССР», якобы возглавленном самим наркомом Балицким и организационно примыкавшим к «военно-фашистскому заговору в Красной Армии»³³.

Истребление «заговорщиков» из НКВД Украины велось Леплевым по всему Союзу ССР, где бы они ни находились. В Ташкенте был арестован начальник 3-го отдела УГБ НКВД Узбекской ССР П.М. Рахлис. В Воронеже схвачен начальник областного УНКВД А.Б. Розанов. В Москве арестованы работник Особого бюро НКВД СССР В.М. Горожанин и заместитель начальника Главного Разведуправления РККА М.К. Александровский.

В вихрь этой кровавой мясорубки могло затянуть и Люшкова. Конечно, сам Леплевский вовсе не собирался этого делать, но в Москве Фриновский мог добиться от этапированных украинских чекистов показаний, включающих Люшкова в список «заговорщиков». Возможно, именно тогда, в июне 1937 г., между Ежовым и Фриновским был заключен некий «компромисс»: Люшкова убирают из Ростова-на-Дону и отправляют в Хабаровск, подальше с глаз Фриновского.

В 1937 г. гигантская приграничная территория РСФСР из девяти областей (Хабаровской, Приморской, Амурской, Нижне-Амурской, Уссурийской, Камчатской, Сахалинской, Зейской и Еврейской Автономной) составляла так называемый Дальневосточный край (ДВК) с административным центром в Хабаровске. В руководстве ВКП(б) край слыл сильно «засоренным» право-троцкистскими оппозиционерами. С этим была связана «кадровая чехарда», характерная для расстановки партийно-советского руководства края.

В январе 1937 г. 1-й секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьев (Картвелишвили) за «либерализм» и конфликты с командующим ОКДВА маршалом В.К. Блюхером был снят и заменен более «жестким» партийным руководителем И.М. Варейкисом. По прибытии в Хабаровск Варейкис начал кампанию «разоблачений» среди представителей партийного, советского и хозяйственного руководства края, ответом на которую стала волна самоубийств — начальника Дальневосточной железной дороги Л.В. Лемберга, управляющего трестом «Дальтрансуголь» И.Н. Котина, директора Акционерного Камчатского общества И.А. Адамовича³⁴. Особо яростному политическому шельмованию со стороны Варейкиса подвергся бывший председатель крайисполкома Г.М. Крутов. От начальника УНКВД до ДВК комиссара ГБ 1 ранга Т.Д. Дерибаса Варейкис требовал немедленного разоблачения краевого «право-троцкистского подполья».

В апреле 1937 г. из Москвы в Хабаровск прибыла группа оперативных работников во главе с начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Л.Г. Мироновым для оказания помощи в разоблачении «антисоветской шпионско-диверсионной организации троцкистов и правых». В мае 1937 г. Дерибас за пассивность в проведении следствия был снят и отозван в Москву, а его место занял бывший нарком внутренних дел УССР Балицкий. На следующий день по вступлении Балицкого в должность заместитель Миронова по оперативной группе ГУГБ НКВД А.А. Арнольдов-Кесельман получил у него санкцию на арест Г.М. Крутова³⁵. Используя тактику «кнута и пряника» (Арнольдов представился Крутову личным уполномоченным наркома Ежова), он добился от арестованного показаний о существовании в крае «право-троцкистской заговорщической организации». Восхищенный Балицкий назвал Арнольдова «чародеем»³⁶.

В середине июня, когда Балицкого отзывали в Москву (туда он ехал на расправу — на него уже имелись показания «заговорщиков» в НКВД УССР)

его место опять занял Дерibas, у Арнольдова имелись обширные показания арестованных о «Дальневосточном параллельном правотроцкистском центре». Однако все лавры и «разворот» дела «Центра» достались не на долю Арнольдова (он и сам был вскоре арестован), а назначенному в конце июля 1937 г. начальником УНКВД по ДВК Люшкову. К этому времени в Москве Ежов уже проводил «чистку» центрального аппарата НКВД СССР (среди ее жертв оказался и Л.Г. Миронов), и поэтому в августе-сентябре Люшков развернул в крае не только широкомасштабное истребление партийного и хозяйственного руководства; но и подверг жестокой «чистке» местные органы НКВД.

В письме Сталину от 8 сентября 1937 г. Варейкис сообщал: «... После приезда в край нового начальника НКВД Люшкова было вскрыто и установлено, что также активную роль в правотроцкистском Дальневосточном центре занимал бывший начальник НКВД Дерibas. Участником заговора являлся также его первый заместитель — скрытый троцкист Западный. Второй заместитель Барминский (он же начальник особого сектора ОКДВА) оказался японским шпионом. Арестованы как японские шпионы и участники заговора: Визель — начальник НКВД во Владивостоке, Давыдов — начальник НКВД Амурской области (г. Благовещенск). Входили в состав правотроцкистской организации Пряхин — начальник НКВД Уссурийской области, Богданов — начальник политического управления пограничных войск и значительная часть других чекистов»³⁷.

В дальнейшем список «разоблаченных» Люшковым чекистов-дальневосточников пополнился именами двух начальников УНКВД по Нижне-Амурской области — Л.Ф.Липовского и С.М.Сидорова, начальника УНКВД по Сахалинской области — А.П. Льва, начальника УНКВД по Еврейской АО — А.Н. Лавтакова и десятков других чекистов. Их места заняли прибывшие с Люшковым Каган и Осинин-Винницкий, направленные из Ростова-на-Дону и Москвы чекисты среднего звена: Л.М.Хорошилкин, М.И. Диментман, А.М. Малкевич, А.П.Малахов, В.П.Крумин, И.Н.Евтушенко, М.П.Рысенко, И.Л.Кабаев, М.И.Говлич, В.И.Осмоловский, Д.М.Давыдов. С 15 августа в соответствии с приказом НКВД СССР №00447 от 30 июля 1937 г. Люшков приступил к массовой операции по репрессированию «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» в крае. Всего по существовавшим «лимита» в ДВК планировалось осудить решением «тройки» 2000 чел. по «первой категории» и 4000 чел. «по второй категории»³⁸. Но эти «лимиты» вскоре были исчерпаны и получены новые.

Кроме того, по постановлению СНК СССР от 21 августа 1937 г. Далькрайкому, Далькрайисполкому и УНКВД по ДВК предстояло выселить в Среднюю Азию и Казахстан все корейское население (около 175000 чел.) из пограничных районов края³⁹. Обе массовые операции планировалось завершить к январю 1938 г.

В первых числах октября 1937 г. Варейкис был снят с должности 1-го секретаря Далькрайкому. В самом ближайшем будущем ему самому предстояло стать одним из участников «право-троцкистского заговора» в ДВК. Его место занял назначенец из Москвы, бывший аппаратчик Московского комитета партии Г.М. Стацевич, некоторое время до того подвизавшийся у Ежова в начальниках отдела кадров НКВД СССР. С этого момента началась «вторая волна» репрессий в крае — «изъятие» Люшковым и Стацевичем партийно-советских и хозяйственных кадров, выдвинутых «врагом народа Варейкисом»...

В ноябре-декабре 1937 г. шло выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета Союза ССР. По всей стране попеременно со «знатными людьми» города и деревни кандидатами выдвигались представители нового поколения сталинской партийно-советской номенклатуры, заявившей о себе в последние месяцы политического террора. Вместе с краевым руководством — сек-

ретарем Стацевичем, председателем крайисполкома П.К. Легконравовым, командующим ОКДВА В.К. Блюхером и др. в кандидатские списки попал и Люшков.

28 октября на собрании коллектива рабочих лесокombината «Амургосрыбтреста» в Николаевске-на-Амуре его кандидатура была единогласно поддержана собранием⁴⁰. Инициатива выдвижения «зоркого чекиста» в Верховный Совет принадлежала некоему «товарищу Фельдману, присутствующему на собрании» и одновременно являвшемуся начальником УНКВД по Нижне-Амурской области Я.Л. Фельдманом.

С этого дня Люшков стал политической фигурой краевого масштаба: его фотографии и хвалебные статьи о нем появляются в газетах, он выступает на встречах с избирателями и принимает их «наказы», неизменно включается в состав «почетных президиумов», стоит на трибуне с Блюхером и Стацевичем, принимая ноябрьский парад войск Хабаровского гарнизона. Внешность Люшкова ничего не говорила окружающим о характере его деятельности в крае: несколько одутловатое лицо с выпуклыми глазами, буйная, зачесанная назад шевелюра и усики «мушкой», делавшие его похожим на несколько раздобревшего чаплинского персонажа.

Еще больше почестей принесли ему торжества по случаю 20-летия органов ВЧК НКВД в декабре 1937 г. На торжественном заседании в приветствии чекистам Стацевич отметил «сложность работы Дальневосточных наркомвнудельцев, находящихся на границах с иностранным государством», и то, что «здесь, на ДВК, долго действовали враги народа крутовы, лаврентьевы, варейкисы и прочая сволочь, пытавшаяся продать наш цветущий край Дальнего Востока японскому империализму. Наркомвнудельцы ДВК во главе с тов. Люшковым разгромили шпионские гнезда, но капиталистические государства будут и впредь засылать к нам в тыл шпионов и диверсантов. Поэтому нужно еще выше поднять бдительность и зоркость, беспощадно уничтожать всех врагов народа...»⁴¹. Москва тоже высоко ценила «работу», проделанную Люшковым в ДВК. На январском (1938 г.) совещании в НКВД СССР Ежов ставил в пример другим чекистам Люшкова, репрессировавшего 70000 «врагов народа» — это был самый высокий показатель по стране⁴².

Однако в январе 1938 г., по окончании упомянутых торжеств, на Ежова сверху было оказано давление с целью ослабить волну массового террора, грозившего стать совершенно неуправляемым. После доклада Маленкова 14 января на пленуме ЦК ВКП(б) и известного постановления «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии...» наметилась тенденция некоторого «отката» в практике массового политического террора. Ежову пришлось пожертвовать наиболее одиозными фигурами из местных чекистов — «перегибщиков». Одних из них арестовали и начали следствие по их «вредительской деятельности», другим просто «дали по рукам» и перевели на новое место службы с понижением в должности.

Люшков не попал в число ни тех, ни других, оставаясь «неуязвимым» благодаря личному расположению Ежова. Однако на уровне политического руководства края тенденция «отката» проявилась: с этого времени ярый «разоблачитель» Стацевич ушел в тень, уступив место 2-му секретарю Далькрайкома (и сослуживцу по МК) А.М. Анисимову. Последний сделал доклад на краевом партактиве — «Итоги январского пленума ЦК ВКП(б) и задачи парторганизации ДВК», свалив всю вину за массовые исключения коммунистов на районное партруководство⁴³.

Одним из последних широко освещавшихся в советской прессе награждений чекистов (в 1938 г. их почти не было) стало награждение дальневосточных наркомвнудельцев Люшкова, «отличившихся» в ходе депортации корейцев и транзитных перевозках заключенных в лагерь Колымы. 6 февраля был

опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении работников УНКВД по ДВК и работников НКПС», где фигурируют отмеченные орденами Красной Звезды начальник УНКВД по Амурской области М.И. Говлич, начальник УНКВД по Приморской области М.И. Диментман и др.⁴⁴ Тучи над головой Люшкова и его чекистов стали сгущаться лишь с апреля 1938 г., и этому предшествовали грозные события в Киеве и Москве.

Среди тех, кому Ежов был вынужден «дать по рукам» в январе 1938 г., оказался давний покровитель Люшкова, нарком внутренних дел УССР И.М. Леплевский. Уже через два месяца после его назначения на Украину, в августе 1937 г., Ежову пришлось посылать в Киев комиссию НКВД во главе со своим заместителем Л.Н. Бельским для рассмотрения многочисленных жалоб на произвол нового наркома. Как выяснил Бельский, Леплевский ориентировал чекистов исключительно «на цифру» разоблаченных «врагов народа», и «липачество» в органах НКВД Украины даже на всесоюзном фоне ежовщины выглядело чудовищно. Кроме того, 1-й секретарь ЦК КП(б)У Косиор планомерно уничтожал руками Леплевского остатки партийного аппарата своего бывшего соперника Постышева.

В январе 1938 г. Леплевский был отозван из Киева (расследованием его бурной деятельности в 1937 г. теперь занялся новый руководитель НКВД УССР А.И. Успенский) и назначен начальником 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР. 26 апреля 1938 г. он был арестован по обвинению в «активном участии в право-троцкистской антисоветской организации и проведении контрреволюционной предательской деятельности». Вскоре Леплевский признался, что в 1932 г. был вовлечен в организацию «правых» (затем — «право-троцкистов») своим братом Г.М. Леплевским. Во главе заговорщиков стояли Рыков, Бухарин и Томский. После назначения на Украину в 1937 г. Леплевский «начал очищать аппарат НКВД от кадров Балицкого, принимая меры для предотвращения полной ликвидации антисоветского подполья»⁴⁵.

Далее Леплевский показал, что «в 1930 г. Балицкий и Леплевский создали в аппарате ГПУ УССР право-троцкистскую группу, на которую опирались в предательской работе». Личное соперничество между Балицким и Леплевским, вылившееся в соперничество групп ориентировавшихся на них украинских чекистов, «было, по существу расхождением между правыми и троцкистами, связанными с борьбой за преимущество в аппарате». Таким образом, с 1930 г. в ГПУ-НКВД Украины зрели два параллельных заговора — «заговор Балицкого» и «заговор Леплевского»⁴⁶. Такая версия событий, данная арестованным Леплевским, опять ставила под косвенное подозрение Люшкова.

Если Балицкий признавал возникновение «заговора в НКВД УССР»⁴⁷ в конце 1935 г. (в это время Люшков работал в Москве), то датировка «заговора Леплевского 1930-м годом приходилась на время наиболее тесного сотрудничества Леплевского и Люшкова на Украине. Более того, хотя Леплевский в числе десятков имен новых «украинских чекистов-заговорщиков» не упомянул имени Люшкова, в его показаниях от 22 мая 1938 г. названы оба «верных паладина» — М.А. Каган и Г.М. Осинин-Винницкий⁴⁸. Попав из-за них в своеобразную «вилку» подозрения, Люшков и сам мог стать теперь легкой добычей для Фриновского.

Вероятнее всего, что никаких деталей, кроме факта ареста Леплевского, находившийся в Хабаровске Люшков не знал. В это время он был занят доработкой своего главного «дела» в крае — «Дальневосточного параллельного право-троцкистского центра», которое было рассмотрено выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР где-то в первых числах июня 1938 г.⁴⁹

Подобные «дела» на Дальнем Востоке зачастую рассматривались «заочно», и более того — без следственных дел, по справкам УНКВД. К чему это приводило, явствует из справки следователя по важнейшим делам Главной

Военной Прокуратуры РККА бригаде юриста Далицкого от 20 марта 1940 г.: «... УНКВД ДВК были составлены альбомные справки на арестованных по имеющимся в УНКВД ДВК данным... В целях уточнения запрашивались местные органы НКВД по телеграфу. Таким образом составлены справки на 171 чел. Из них на 170 имеется отметка «Р» (расстрелять) и подписи Люшкова (нач. УНКВД), Никитченко (председателя выездной сессии) и Калугина (пом. Главного военного прокурора). На основании этого указанные 170 чел. были расстреляны. Эти решения оформлены приговорами»⁵⁰. Далее Далицкий констатирует: «... в результате оказалось, что ни одна справка не соответствует делу. Дела эти в процессе следствия не проверялись, обвинительные заключения не составлялись. Часть обвиняемых была на свободе»⁵¹.

В то же время вместе с секретарем далькрайкома Анисимовым Люшков «штамповал» приговоры в «тройке» при краевом УНКВД. Его последнее присутствие в ней зафиксировано 8 мая 1938 г., за неделю до его побега⁵². В первых числах мая в Москве решили разобраться с показаниями, данными Леплевским на двух «заговорщиков-чекистов» — Кагана и Осинина-Винницкого, находившихся на Дальнем Востоке. Первым вызвали в Москву Кагана. Заподозривший что-то недоброе Люшков попросил его позвонить из Москвы в Хабаровск и сообщить о причинах вызова. Обещанного Каганом звонка Люшков не дождался: Каган уже был арестован...

Не в самом лучшем расположении духа Люшков отбыл из Хабаровска в служебную командировку в Приморскую область. Бывший сотрудник УНКВД по ДВК Н.С. Кардовский вспомнил, что о предстоящем смещении с должности Люшков узнал, находясь в этой командировке: «... оставшийся в Хабаровске за Люшкова начальником Управления его заместитель Г.М. Осинин... уведомил находящегося в Приморье Люшкова: в Хабаровск вскоре прибудет Горбач»⁵³. По-видимому, перспектива прибытия и сдачи дел по УНКВД края именно Горбачу (наряду с арестом Леплевского и «исчезновением» Кагана) стала переломным моментом в решении Люшкова совершить побег за кордон.

Майор госбезопасности Григорий Федорович Горбач (1898—1939), член партии с 1916 г., до 1937 г. работал в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД Северного Кавказа и плотно вошел в «обойму» чекистов «северо-кавказской группы» Евдокимова-Фриновского⁵⁴. Летом 1937 г. он стал начальником УНКВД по Запдно-Сибирской (затем — Новосибирской) области. По мнению такого компетентного руководителя, как заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов, «Горбач пользовался большим авторитетом у Ежова и являлся близким человеком Фриновского»⁵⁵. Встречавшемуся с ним в Новосибирске М.П. Шрейдеру Горбач сам заявлял, что назначен сюда Фриновским «очистить область от врагов народа и особенно от врагов, пробравшихся в НКВД»⁵⁶.

Люшков знал, что покровительствующий ему Ежов все больше «увязает» в делах параллельно руководимого им (с апреля 1938 г.) Наркомата водного транспорта, перепоручая решение большинства вопросов в НКВД своему первому заместителю Фриновскому. Что могло помешать Фриновскому через голову Ежова дать Горбачу задание «очистить от врагов» аппарат УНКВД по ДВК? 11 июня Горбач был освобожден от должности начальника УНКВД в Новосибирске приказом по личному составу НКВД СССР. Возможно, что в это время он уже находился на пути в Хабаровск...

12 июня 1938 г. Люшков в сопровождении заместителя начальника Разведотдела краевого УНКВД К.Н. Стрелкова вышел в полосе 59-го Посыетского погранотряда к государственной границе для встречи с «агентом». Залегший на расстоянии 300 м от «места встречи» Стрелков уже больше никогда не видел своего начальника⁵⁷.

Позднее Рихард Зорге так прокомментировал «дело генерала Люшкова»: «Я придерживаюсь мнения, что Люшков перебежал не потому, что был недо-

волен действиями советского руководства или совершил какой-либо недозволенный поступок, а потому, что сам опасался оказаться жертвой чисток, которые прокатились по рядам ГПУ. Я полагаю, что именно Люшков своему дезертирству придал политическую окраску...»⁵⁸ И сегодня, когда мы знаем немного больше о «деле Люшкова», остается согласиться с выводом известного советского разведчика: наученный горьким опытом сталинских «калифов на час» от НКВД — Ягоды, Молчанова, Балицкого, Леплевского и др. Люшков не стал дожидаться момента, когда будет брошен в лубянские подвалы «за ненадобностью».

Вместо эпилога

Сведения о дальнейшей судьбе Г.С. Люшкова, о его смерти весьма противоречивы. Как явствует из архивно-следственного дела №980947/особ. по обвинению Люшкова Г.С. (в трех томах) в КГБ (ФСБ), он был убит 19 августа 1945 г. начальником японской разведки капитаном Такеока Юсака, когда возникла угроза захвата бывшего чекиста советскими войсками. Факт смерти подтвержден самим Такеока Юсака, а также начальником госпиталя, оформившим документы на кремацию. Жена Г.С. Люшкова Нина Васильевна Письменная (1909 года рождения), была арестована 13 ноября 1938 г.; 19 января 1939 г. она была осуждена ОСО НКВД на 8 лет лишения свободы «за антисоветские действия» и содержалась в местах заключения Карагандинской области. Сестры, мать и брат Г.С. Люшкова были подвергнуты выселению как члены семьи изменника Родины.

Точки над «i» в истории с побегом чекиста Люшкова за границу расставлять пока рано. Полагаем, что многое прояснится тогда, когда упомянутое архивно-следственное дело, а также ряд иных документов будут тщательно исследованы историками.

¹ Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. №2,3; Николаев С. Комиссар, перебежчик, предатель // Труд. 1990. 5 авг.

² Старков Б.А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995.

³ Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина // Пробл. Дальнего Востока. 1990. №3, 4, 5; 1991. №3, 5, 6, 7.

⁴ Архив Службы безопасности Украины (СБУ). Архивное личное дело №1310 на Люшкова Г.С.

⁵ Архив СБУ. Архивное личное дело №83046 на Леплевского И.М.

⁶ Леплевский Григорий Моисеевич (1889—1939), «бундовец», член РСДРП(б) с 1917 г. В 1917—1918 гг. — член Полесского комитета РСДРП(б); в 1918—1920 гг. — зам. Пред. Самарского губисполкома и Самарского горсовета; с 1920 г. — член Коллегии, зав. Оргинструкторским отделом и зам. Наркома внутренних дел РСФСР, одновременно — член Коллегии и пред. Малого СНК РСФСР; затем — пред. Административно-финансовой комиссии СНК СССР; в 1927—1930 гг. — пред. Подготовительной комиссии СНК СССР; в 1931—1933 гг. — зам. Управделами, зам. Главного арбитра СНК СССР; в 1934—1938 гг. — зам. Прокурора СССР. Репрессирован.

⁷ Архив СБУ. Архивное личное дело №83046 на Леплевского И.М. Л.4.

⁸ Архив СБУ. Архивное личное дело №1310 на Люшкова Г.С. Л.2.

⁹ Архив СБУ. Архивное личное дело №83046 на Леплевского И.М. Л.5—6.

¹⁰ Архив СБУ. Архивное личное дело №1310 на Люшкова Г.С. Л.2.

¹¹ Шрейдер М.П. НКВД изнутри: Записки чекиста. М., 1995. С.13—14.

¹² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопр. истории. 1994. №12. С.6—7.

¹³ УК ФСБ РФ. Служебная карточка на Молчанова Г.А.

¹⁴ Материалы февральско-мартовского пленума... С.18.

¹⁵ Наше минуле (Журнал незалежної столичної думки за редакцією Сергія Білоконя). Київ. 1993. №1. С.53.

¹⁶ Там же. С.53.

¹⁷ Архив УФСБ по Омской области: Архивное личное дело №189733 на Евдокимова Е.Г.

- ¹⁸ Папчинский А. Продолжая разговор, начатый Авторхановым // Вопр. истории. 1922. №2—3. С.188—189; Тумшис М. Еще раз о кадрах чекистов 30-х годов // Вопр. истории. 1993. №6. С.190—191.
- ¹⁹ Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991. Т.2. С.277.
- ²⁰ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.16.
- ²¹ Архив СБУ. Архивное личное дело №1310 на Люшкова Г.С. Л.3.
- ²² Хлевнюк О.В. 1937: Сталин, НКВД, советское общество. М., 1992. С.94.
- ²³ Там же. С.92.
- ²⁴ Фрагменты стенограммы декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1936 г. // Вопр. истории. 1995. №1. С.5.
- ²⁵ Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Ежова от 3 марта 1937 г. // Вопр. истории. 1995. №2. С.22—26.
- ²⁶ Там же. С.23.
- ²⁷ Папчинский А. Продолжая разговор... С.188—189.
- ²⁸ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.43.
- ²⁹ Авторханов А. Технология власти. М., 1991. С.30—31.
- ³⁰ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.43.
- ³¹ Архив авторов. Справка Центра документации новейшей истории Ростовской области №48—51 от 14.06.1994 г.
- ³² Последнее слово Николая Ежова // Моск. новости. 1994. №5.
- ³³ Наше минуле. 1993. №1. С.42—43. (Обзорная справка от 26.04.1956 г. по архивно-следственному делу №612517 по обвинению Балицкого В.А.).
- ³⁴ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С.14—15.
- ³⁵ Там же. С.20.
- ³⁶ Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. С.140.
- ³⁷ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба... С.47—48.
- ³⁸ Альбац Е. Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ. М., 1992 (Приложение к главе III. Палачи и жертвы. Оперативный приказ НКВД СССР №00447 от 30 июля 1937 г.).
- ³⁹ О выселении корейцев из Дальневосточного края. (Сост. Н.Ф. Бугай) // Отеч. история. 1992. №6. С.141.
- ⁴⁰ Тихоокеан. звезда. 1937. 28 окт.
- ⁴¹ Там же. 22 дек.
- ⁴² Старков Б.А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С.129.
- ⁴³ Тихоокеанская звезда. 1938. 5 февр.
- ⁴⁴ Там же. 6 февр.
- ⁴⁵ Наше минуле. 1993. №1. С.56. (Обзорная справка от 8.06.1956 г. по архивно-следственному делу №967454 по обвинению Леплевского И.М.).
- ⁴⁶ Там же. С.56—57.
- ⁴⁷ Там же. С.42. (Обзорная справка от 26.04.1956 г. по архивно-следственному делу №612517 по обвинению Балицкого В.А.).
- ⁴⁸ Там же. С.57. (Обзорная справка от 8.06.1956 г. по архивно-следственному делу №967454 по обвинению Леплевского И.М.).
- ⁴⁹ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. С.11.
- ⁵⁰ Архив УВД Самарской области. Архивное личное дело на Марина Г.А. Из заключения проверки архивно-уголовного дела на бывшего первого секретаря Сахалинского обкома ВКП(б) П.М. Ульяновского Военной прокуратурой Дальневосточного военного округа. Л.12.
- ⁵¹ Там же. Л.12.
- ⁵² Николаев С. Выстрелы в спину. С.138.
- ⁵³ Николаев С. Комиссар, перебежчик, предатель.
- ⁵⁴ Архив УВД Хабаровского края. Архивное личное дело на Кривец Г.Ф. Послужной список.
- ⁵⁵ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.89.
- ⁵⁶ Там же. С.89.
- ⁵⁷ Николаев С. Выстрелы в спину. С.136.
- ⁵⁸ Кубеев М. Обреченный на казнь: Документальный рассказ о Рихарде Зорге и его соратниках // Дальний Восток. 1990. №2. С.94.

SUMMARY. The article by A. Papchinsky and M. Tumshis «Why Liushkov Ran Abroad» is, in a way, a continuation of the article written by A. Tryokhsyvatky being published in Number 1 of «Russia and the Pacific» for 1998. The authors of this article read the article by A. Tryokhsyvatky and were interested in the fate of G. Liushkov and so sent us some additional information about this man.